

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В РУССКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРАХ

Аксиологический аспект



Ирина Владимировна АНДРЕЕВА (Стробыкина),
декан факультета русского языка для иностранцев ВГУЭС

Объективным основанием для сопоставления культур являются различия в **системе ценностей**, которые в целом составляют и определяют картину мира и ментальное пространство сравниваемых культур. Важными являются отношения к пространству, времени, деятельности и природе, а также представления о ценности межличностных связей. Каждая культура имеет собственную, отличную от других программу действий. Предметом нашего рассмотрения являются концепты *Индивидуализм* и *Privacy* как важнейшие аксиологические критерии, определяющие суть американского общества, в сравнении с ценностями российской культуры.

По результатам широкомасштабных исследований известного социолога и специалиста по теории управления Гирта Хофстеде, основанным на анкетировании сотрудников компании IBM в 66 странах, США по позиции *индивидуализм* заняли первое место (16, с. 80). В Америке культивируется, как отмечает Г. Хофстеде, «субъективизм личности, ее автономия и независимость, ориентация на Я (всегда с большой буквы), т.е. на человека, который преследует собственные интересы, на образ жизни, сфокусированный на индивиде, когда личность ставится превыше всего — работы, религии, политических партий, а семья расценивается с точки зрения ее вклада в расцвет индивидуальной жизни» (8, с. 111). По мнению Э. Холла, американского антрополога, общепризнанного основателя теории межкультурной коммуникации, «...американская мечта часто ассоциируется с сокровенным желанием стать «звездой», уникальной и достойной всеобщего восхищения, замеченной всеми и затмившей всех — толпы посредственностей, не знающих, как стать удачливými» (12, с. 147). Такая ориентация на внешние проявления, восприятие другими людьми объясняет стремление американцев понравиться и заслужить одобрение окружающих.

Роберт Колс в своих исследованиях индивидуализма как приоритетной ценности американской культуры отмечает, что американцы в своих мыслях считают себя еще большими индивидуалистами, чем они есть на самом деле. Они противятся мыслить о себе как о представителе какой-либо гомогенной группы, неважно какой. Они могут присоединяться и присоединяются в действительности ко многим группам, но верят в то, что они уникальные, отличающиеся от других членов группы; покидают группу так же легко, как и присоединяются к ней (13, с. 120).

Privacy — очень важное слово для американцев. Начиная изучать русский язык интересуются его переводом в первые же дни занятий. Однако с переводом этого ключевого для американской культуры слова возникают трудности. Словарь Мюллера дает следующие аналоги *Privacy*: *уединение, уединенность, тайна, секретность* (9, с. 553). Эти дефиниции не определяют

полностью значения этого слова. В Оксфордском словаре — больше определенных — *удинение, частная жизнь, конфиденциальность* (14, с. 260), но они тоже не являются исчерпывающими. В значение слова *privacy* входит нечто такое, что не отражается в словарях, но явно влияет на его толкование и понимание.

В русском языке аналог американского понятия *privacy* отсутствует вообще, так как само это понятие не является существенным для русской культуры, но для американской оно очень важно, так как постоянно присутствует как в речи, так и на табличках, обозначающих частные владения. *Privacy* можно рассматривать как сигнал «стоп!», который символизирует, что дальше нельзя — нельзя идти, нельзя обсуждать; нарушение *privacy* — нарушение границ, вторжение в чью-то частную, личную жизнь, следовательно, необходимо остановиться. Перевести его одним словом нельзя, требуется развернутое определение, как, например, у Г.В. Елизаровой: «*Privacy* — это не уединенность и тем более не одиночество, это личная свобода, независимость и самодостаточность, это приоритет личных интересов в шкале ценности отдельной личности и утверждение ее права на полный личный контроль над ними без постороннего вмешательства. Это одно из слов, наиболее однозначным образом эксплицирующее наличие такой ценности, как «личная свобода и автономность личности» в англоязычных культурах» (6, с. 53). Законы соблюдения *privacy*, невмешательство в личную жизнь человека, уважение к индивидууму в американском обществе обязательны для всех. Право человека на свою закрытую для всех частную жизнь, уважение прав собственной личности ведет к **уважению такого же права** у всех других индивидов, невмешательству в жизнь других людей. *Privacy* — важное требование и ограничение, проявляющиеся во всех сферах американской жизни.

При всей внешней свободе человек индивидуалистической культуры находится в плену «прочно установившихся правил», становится «рабом условностей». «Общепринятые права и свободы, формально гарантирующие независимость индивида, имеют свою оборотную сторону — обязательность подчинения установленному порядку, зависимость внутреннюю, в основе которой лежит ориентация на других. Являясь величиной относительной, степень конформности как регулятора поведения индивида зависит от тех норм и правил, давлению которых он вынужден подвергаться. При этом человек, не имеющий опоры на традицию поиска духовной свободы, в большей степени подвергается риску стать конформистом по духу, чем человек, воспитанный в православии» (7, с. 121). Не случайны наблюдения М. Горького во время его пребывания в Америке: «Лица людей неподвижно спокойны — должно быть, никто из них не чувствует несчастья быть рабом жизни... В печальном самомнении они считают себя хозяевами своей судьбы... но, видно, им не понятно, что это только независимость... кирпича в руках невидимого каменщика, который, хитро усмехаясь, строит для всех огромную, но тесную тюрьму» (3, с. 30).

Таким образом, индивидуалист считает, что он волен сам себя ограничивать, не терпит внешнего ограничения своей свободы. Но поведение его в большей степени регулируется посредством правовых норм.

Несмотря на то что каждый американец уверен как в собственной свободе, так и в незыблемых законах *Privacy*, степень контроля государства за жизнью частного лица, возможная в сегодняшней демократической и насквозь компьютеризированной Америке, очень высока. После событий 11 сентября 2001 г. «вся система координат в столь важной для Америки сфере, как демократические свободы и право на частную жизнь, исказилась неузнаваемо» (10, с. 117). Очередная волна усиления контроля и нарушения законов *Privacy* в США наблю-

дается в настоящее время, после предотвращения британскими спецслужбами террористических актов в Лондоне (август 2006 г.). Даже привычных ко всему российских туристов шокирует ситуация в аэропортах, когда досматриваются буквально все личные вещи каждого пассажира, все, что внушает малейшие подозрения на опасность, в буквальном смысле слова взламывается и приводится в негодность (например, карманный калькулятор), а сами пассажиры подвергаются досмотру-обыску, напоминающему сцены из американских фильмов о задержании преступников.

Американские политики громко и уверенно утверждают, что вынуждены временно ограничить демократические свободы ради охраны самих граждан, но, как известно, нет ничего более постоянного, чем временное. По российским меркам, каждый американский гражданин находится под большим контролем, нежели россиянин у себя на родине. При этом многие американцы продолжают себя ощущать свободными гражданами свободной страны. Это не что иное, как самообман. Всеобщая компьютеризация позволяет даже неискушенному многое узнать о человеке, а если за дело возьмется специалист, то не так уж много тайн у этого человека останется.

Американцев беспокоит происходящее, они открыто обсуждают всевозрастающий контроль государства за частной жизнью граждан, но оправдывают это соображениями безопасности.

Для государственных структур нарушение *Privacy* не является проблемой, но для рядовых американцев в повседневном общении корректное отношение к частной жизни обязательно. За разглашение личной информации можно легко оказаться на скамье подсудимых, еще легче потерять работу. Таким образом, в отношении к *Privacy* Америка наглядно демонстрирует двойной стандарт: декларирование чего-то одного и реальную картину чего-то совершенно иного. *Privacy* считается одной из основополагающих национальных ценностей. Являясь важной составляющей американского менталитета, *Privacy* ощущается представителями этой культуры как что-то незыблемое и вечное, несмотря на меняющийся мир и увеличение контроля государства за жизнью каждого гражданина.

В противоположность американским *Privacy* и индивидуализму в русской культуре выделяются такие концепты, как *общинность*, *коллективизм* и *соборность*.

Российские исследователи обращают внимание на то, что «в идеале организация труда в русском архетипе должна подчиняться принципу *соборности*. Это значит, что отдельные предприятия и фирмы могут хозяйствовать самостоятельно, но не только ради самих себя и своих корыстных целей: в конечном итоге они должны работать на благо «общего дела», на пользу окружающим. Плоды такого «дела» должны быть доступны для всех, помогать улучшению жизни коллектива или общества» (11, с. 305).

«Русскому уму совершенно чужд всякий субъективизм, и русский человек меньше всего интересуется своим собственным узаконенным и внутренним субъектом», — считает А.Ф. Лосев (8, с. 509). *Соборность* — «один из основных признаков христианской церкви, фиксирующий ее самопонимание как всеобщей, универсальной. В русской православной традиции внутреннее единство людей основано на общности духа, «единство во множественности» (2, с. 315). Византийская практика «соединения царства и священства, унаследованная и развитая Русью, превратила *соборность*, по сути, в своеобразную форму гражданства. В результате категория *соборности* в России вышла далеко за пределы понятия «собор» и соединилась с такими понятиями, как *державность*, *государственность*, *народность*» (2, с. 317).

А.Ф. Лосев рассматривает идею *соборности* как важнейшую черту русской философской системы, под которой имеется в виду «...социальность как глубочайшее основание всей действительности, как глубочайшая и интимнейшая *потребность* каждой отдельной личности, как то, в *жертву* чему должно быть принесено решительно все» (8, с. 512).

Американский исследователь русской культуры Ялле Ричмонд также подчеркивает *общинность* русских, отмечая, что *общинность* и *соборность* у русских в крови (15, с. 17). Он обращает внимание на то, что эти понятия трудны для восприятия американцами, воспитанными на индивидуализме. Контраст между американским индивидуализмом и русским коллективизмом прослеживается и в том, что американские первопоселенцы с самого начала развития Америки становились независимыми фермерами, их ранчо были их собственностью, они уединенно жили вдали от соседей. Русские предпочитали жить общинами. Хотя в Америке также были и есть коммуны, что указывает на природную естественность людей собираться в группы, но американские коммуны выходят за рамки общепринятого в этой стране. Для американцев это чуждо, а для русских естественное явление.

Индивидуализм уважается и почитается в Америке, в России же, по мнению автора, имеет негативное, уничижительное значение. Погруженные в наследие «мира» (общины) русские думают о себе как о части общины, а не как об индивидуальностях.

Дух *коллективизма* помогает объяснить многие черты характера русских, следствием чего, по мнению Ричмонда, является поведение в толпе. Физический контакт с незнакомыми людьми, прикосновения, которые невозможны для американцев, абсолютно не волнуют русских; они в толпе касаются друг друга, толкаются и даже используют в продвижении собственные локти. Вежливость, нормы поведения в связи с этим понимаются по-разному. Нормальным считается, когда русские мужчины, а также женщины идут по улице, держась за руки (или под руку) и разговаривают. Все это недопустимо в американской культуре. С точки зрения американцев, русские постоянно навязывают свои советы, особенно старшие младшим, а до индивидуального, личного всегда есть дело всему коллективу.

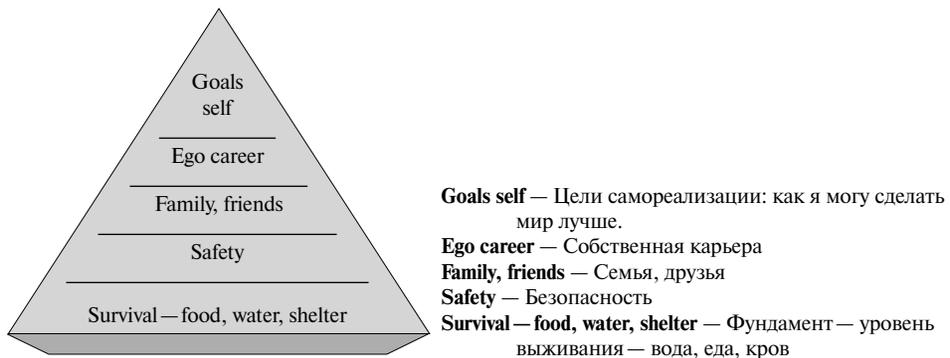
Соборность, *общинность*, *коллективизм* восходят у русских к сфере духовного, в отличие от *Privacy* и индивидуализма, направленных на улучшение собственной материальной жизни каждого отдельного американца. Эти основополагающие различия оказывают большое влияние на все стороны жизни сравниваемых народов. Так, *соборность*, *общинность* являются фундаментом для определения *Русской национальной идеи*, в основе которой лежит представление о России как о стране, «посланной» в мир для выполнения определенной духовной миссии, и о русских как об уникальном народе, обладающем комплексом черт, соответствующих этой миссии. В статье «Русская идея и Американская мечта» Э. Баталов, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, отмечает, что «в стремлении к совершенному идеалу, к абсолюту русский народ проявляет себя не как искатель счастья и материального благополучия, но как искатель «вселенской правды»... *Русскую идею* характеризует устремленность к совместному образу действий, совместному достижению общей цели...» (1, с. 12). Автор также отмечает, что «*Русская идея* исходит из представления, что русские обладают развитым «инстинктом общечеловечности» и потому способны примирить в своем творчестве крайности, присущие другим народам, а в итоге — повести их за собой, причем без какого-либо принуждения и тем более без применения

насилия» (1, с. 13). Таким образом, ядро русской идеи можно выразить словами Достоевского: «И кто знает, господа иноземцы, может быть, России именно предназначено ждать, пока вы кончите; тем временем проникнуться вашей идеей, понять ваши идеалы, цели, характер стремлений ваших; согласить ваши идеи, возвысить их до общечеловеческого значения и, наконец, свободной душой, свободной от всяческих посторонних, сословных и почвенных интересов, двинуться в новую, широкую, еще не ведомую в истории деятельность, начав с того, чем вы кончите, и увлечь вас всех за собою» (5, с. 56).

В советский период *Русская идея* несколько видоизменила свои формы, но сохранила свою суть — желание светлого будущего всему человечеству. После распада СССР *Русская идея* «не погибла вместе со всей советской идеосферой» (1, с. 15), так как является главной составляющей национального менталитета, т.е. обладает высокой степенью устойчивости. Хотя, по мнению аналитиков, в настоящее время в России прослеживается тенденция нарастания «...атомизации, разрушающей непосредственно переживаемое чувство общности и тем самым устои социальной солидарности россиян» (4, с. 7—8).

По словам Дж. Адамса, *Американская мечта* — это «...мечта о стране, в которой жизнь каждого человека будет лучше, богаче и полнее и в которой перед каждым человеком открываются возможности, соответствующие его способностям или достижениям» (1, с. 17). По мнению Э. Баталова, «...органическая и весьма существенная часть Американской мечты — представление об индивидуе как центре социума, о его самодостаточности и самооценности, о недопустимости посягательства на его приватность, не говоря уже о покушении на жизнь и собственность... то есть это ориентация на успех, на личностное самосозидание, итогом которого является знаменитый американский «self-made-man» (1, с. 18—19).

Для рядового американца мечта воплощена в знаменитой формуле «дом — семья — машина». Иерархия потребностей А. Маслоу (см. диаграмму), безоговорочно принятая американцами, как правило, вызывает у русских недоумение.



Русскому человеку трудно согласиться с тем, что духовные потребности возникают у человека только тогда, когда он реализовал свои материальные потребности — сыт, его не мучает жажда и есть крыша над головой. Американцам же трудно представить, зачем голодному человеку, не уверенному, что он находится в безопасности, думать о судьбах мира и человечества и как сделать мир лучше.

Американская мечта, как и *Русская идея*, не лишена миссионерства. По словам американского политика Вудро Вильсона, США — Град на холме, путеводная

звезда, по которой должны сверять свой исторический маршрут другие народы, а Америка имеет моральное право при необходимости корректировать его. Ибо для того она и послана провидением, чтобы «указать человечеству в каждом уголке мира путь к справедливости, независимости и свободе... Америка должна быть готова использовать все свои силы, моральные и физические, для утверждения этих прав (прав человека) во всем мире» (1, с. 19).

Таким образом, различия между *Русской идеей* и *Американской мечтой* основаны на разных базовых ценностях: *общинность, соборность* у русских и *индивидуализм* и *Privacy* у американцев. *Американская мечта*, основанная на *Индивидуализме* и *Privacy*, для ментальности россиян является слишком приземленной и материальной.

В то же время, отмеченное аналитиками движение в сторону индивидуализма в современной российской действительности связано с ослаблением в настоящее время коллективистских начал и самой *Русской Идеи*, которая нуждается в некоторой трансформации, чтобы по-прежнему объединять нацию. Нам представляется, что неплохой вариант соединения идей коллективизма и интересов индивида найден правительством КНР, выдвинувшим лозунг: «Обогащайся сам, чтобы сделать богатой свою страну». К сожалению, установка «сделать богатой свою страну» не постулируется нашим государством, что ведет к девальвации ценности общих интересов, природные богатства и капиталы вывозятся из России и не служат процветанию всей страны.

1. Баталов Э.Я. Русская идея и Американская мечта // США и Канада: экономика, политика, культура. М., 2000. № 11. С. 3—20.
2. Вьюнов Ю.А. Русский культурный архетип. Страноведение России: учеб. пособие. М: Наука; Флинта, 2005.
3. Горький М. Город Желтого дьявола. Полн. собр. соч. Т.6. М.: Наука, 1970. С. 237—273.
4. Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998—2004 гг.): аналит. докл. М.: Институт комплексных социальных исследований РАН, 2004.
5. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 18. 1978. С. 56.
6. Елизарова Г.В. Роль культурного компонента лексического значения в обеспечении взаимного понимания собеседников на иностранном языке // Интерпретация. Понимание. Перевод: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2005. С. 49—64.
7. Кузьменкова Ю.Б. Отражение доминантных черт культуры в стратегиях англоязычных коммуникаций: дис. д-ра культуролог. наук. М.: МГУ, 2005.
8. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991.
9. Мюллер В.К. Англо-русский словарь. М.: «Алькор+», 1991.
10. Полозов С.А. Сделано в США. М.: Изд-во Эксмо, 2003.
11. Сергеева А.Б. Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Наука; Флинта, 2004.
12. Hall, Edward T. and Reed Hall, Mildred. Understanding Cultural Differences. Yarmouth, ME, Intercultural Press, 1990.
13. Kohls, Robert. The Values Americans Live By (Washington. D.C.: The Washington International Center, 1984) // Межкультурная коммуникация в выдержках и извлечениях. Хабаровск, 2005. С. 118—124.
14. Oxford Russian Dictionary. Clarendon Press, 1988.
15. Richmond, Yale From nyet to da: understanding the Russians. Intercultural Press, USA, 1992.
16. Storti, Craig. Americans at Work. A Guide to the Can-Do People. Yarmouth, ME, Intercultural Press, 2004.

SUMMARY: The different behaviors of a people or a culture make sense only when seen through the basic beliefs, assumptions and values of that particular group. The author is examining significant for American culture values – *Privacy* and *Individualism*, making an attempt to compare these values with the Russian culture.